

Сергей Бакшеев

Я УКРАДУ ТВОЙ ГОЛОС

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б19

Б19   **Бакшеев С.**
Я УКРАДУ ТВОЙ ГОЛОС / Сергей Бакшеев – М.: Lennex Corp, — Подготов-
ка макета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 239 с.

ISBN 978-5-458-22960-9

Злой гений с уникальным слухом и голосом может всё: сочинить популярную мелодию или убить, не прикасаясь к человеку. Однако даже ему не подвластна тайна голоса, в который влюбляются миллионы. И он пускается в кровавый путь за этой тайной.

ISBN 978-5-458-22960-9

© Lennex Corp, 2013
© С. Бакшеев, 2013

СЕРГЕЙ БАКШЕЕВ

Я УКРАДУ ТВОЙ ГОЛОС

роман

Москва

Бакшеев, Сергей.

Я украду твой голос: [роман]/ Сергей Бакшеев. —
Москва, 2011. — 239 с.

ISBN 978-5-458-22960-9

Злой гений с уникальным слухом и голосом может всё: сочинить популярную мелодию или убить, не прикасаясь к человеку. Однако даже ему не подвластна тайна голоса, в который влюбляются миллионы. И он пускается в кровавый путь за этой тайной.

© Бакшеев С., 2011

Голос — второе лицо.
Жерар Боз

Об этом человеке мне поведал бывший сотрудник КГБ, дослужившийся до чина полковника, Сергей Васильевич Трифонов. Закончил он рассказ фразой, с которой начал:

- Композитор обладал уникальными способностями. Проще говоря - это был гений. Величайший гений и жестокий убийца одновременно.

В начале рассказа я этому не поверил. Но сейчас признаюсь – Трифонов был прав.

Я обещал сохранить услышанное в тайне, пока полковник жив. Но даже после его ухода из жизни я не решался рассказать о Композиторе. Я опасался, что вы не готовы прочесть такое.

Однако история эта настолько уникальна, что я не в силах более держать ее в себе и должен рассказать...

Глава 1

Прежде чем действовать, мальчик дождался, когда старинные напольные часы в служебной квартирке директора школы-интерната Зои Ефимовны дважды щелкнули. Механизм боя в часах давно вышел из строя, и тихие металлические щелчки, отмечавшие начало каждого часа, обычный человек мог расслышать лишь в пределах комнаты. Но двенадцатилетний Марк Ривун легко уловил звуковые колебания, прошедшие через десяток стен и межэтажное перекрытие кирпичного здания. Квартира директрисы занимала две комнаты в деревянной пристройке с правого торца школы, а палата мальчиков пятого-шестого класса находилась в противоположном конце длинного корпуса на втором этаже.

Два щелчка – два часа ночи. К этому времени должны уgomониться даже самые беспокойные воспитанники интерната. Можно начать испытание, решил Марк. Он лег поудобнее, расслабил мышцы и несколько раз глубоко вздохнул, чтобы унять ненужное волнение. Предстояла самая серьезная проверка уникальной способности: внушать окружающим безотчетный страх.

Марк откинул с груди одеяло, в последний раз покосился на длинный ряд кроватей с мирно спящими пацанами. В этот час все были похожи на ангелочков: отъявленные хулиганы и хлюпики, задиры и плаксы, насмешники и тихони, двоечники и отличники. Но днем, особенно сейчас, во время летних каникул, мальчишки маются от безделья, и большинство превращается в наглых драчунов и тупых уродов. Лучше и не вспоминать их противные рожи. Если всё пройдет удачно, он их больше не увидит.

Марк Ривун запрокинул голову, вперил холодный взгляд в низкий потолок и тихо завыл: «Пожааааар, пожааааар, пожаааааар...». Звук был низким и негромким. Лопухий подросток с безобразным шрамом на шее повторял это слово многократно, постепенно переходя на бас. Вскоре его голос стал совсем не слышен, но рот по-прежнему открывался, и по натужному выражению лица, вытянутой шее и вздымающейся груди было заметно, что мальчик продолжает кричать. Он беззвучно вопил во всё горло. Из худого напрягшегося тела исходили невидимые и неслышимые колебания, которые свободно проходили сквозь перегородки и распространялись по двухэтажному зданию интерната.

От первых звуков проснулись лишь несколько мальчишек в палате. Они тревожно таращились в черную мглу, соображая, чем вызвано гадкое беспокойство, страшным сном или неясными криками. Но звуки быстро затихли, а непонятные волны страха всё накатывали и накатывали. Один мальчик сорвался бежать, вскочил, но стыд оказаться осмеянным сверстниками заставил его вернуться в постель. Он сжался в комочек под одеялом и зябко дрожал, безуспешно сдерживая плач.

Марк Ривун продолжал кричать, неистово, но совершенно беззвучно. Себя он прекрасно слышал, хотя понимал, что ограниченные людишки, окружавшие его, лишены этой редкой возможности. Сначала он четко твердил: «Пожар», - но по мере погружения в низкий диапазон звуков это стало невозможно. Он лишь выдыхал шипящие волны. Они толкались в детские тела, проникали внутрь и будили их.

Дети просыпались от жуткого страха. В соседней палате запищали девочки. Кто-то из мальчиков крикнул: «Пожар! Горим!», - после этого жалкий стыд окончательно уступил место всеобщей панике. Необъяснимый кошмар погнал всех из комнат. Дети вскакивали в темноте, бросались в тесный проход между кроватями,

сталкивались и падали. По ним ступали следующие ученики, стремясь к заветной двери. Голые пятки давили животы, ребра и шеи упавших. Стоял невообразимый гвалт. Нижние пытались подняться, но на них сваливались новые тела. Каждый был сам за себя. Все отчаянно кричали, толкались и давили друг друга.

Те, кому удалось выбраться в общий коридор, устремлялись к узкой лестнице. Более проворные подростки натыкались в темноте на перепуганных малышей, шлепались вместе с ними на пол и вновь вскакивали, подминая мягкие неокрепшие детские тела. На крутой лестнице кто-то с криком покатился по ступеням. Об него спотыкались остальные. Плачущие дети ломали руки, разбивали лица и отчаянно вопили. Многие звали маму, хотя давно были сиротами.

Видя, что из палаты уже не выбраться, сообразительный высокий подросток выбил окно и прыгнул со второго этажа босыми ногами на осколки. Пока он выковыривал из пятки треугольную стекляшку, на него свалился заплаканный толстяк. Удар коленями пришелся по позвоночнику в районе поясницы. Высокий распластался на земле, попробовал отползти, но мгновенно онемевшие ноги его больше не слушались. Острая боль от порезов на ступнях также отпустила. Толстяк убежал. Худой подросток полз на локтях, с трудом волоча нижнюю часть туловища. Он еще не осознал случившееся, всепроникающий страх гнал его дальше от проклятого интерната.

Паника охватила не только школьников. Молоденькая воспитательница Любочка, дежурившая на первом этаже выскочила из корпуса первой. Она до крови защемила палец засовом на двери. Вспышка боли на несколько мгновений привела ее в чувство и заставила задуматься о причине страха. «Горим! Пожар!», - решила длинноногая Любочка и понеслась вскачь, забыв о детях, пока за спиной не оказался забор школы-интерната. Тут она остановилась, взглянула на вздувшийся палец и рухнула на траву. Заплаканные глаза смотрели на темное здание, детские крики напоминали о долге, но ни одна сила на свете не заставила бы Любочку вернуться в ту кошмарную пелену страха, из которой она только что выбралась.

На втором этаже интерната дети всех возрастов метались по палатам и коридорам, сбивая друг друга. Никто не догадывался включить свет. Даже на первом этаже мало кто соображал толкнуть захлопнувшуюся после Любочки дверь и выбежать во двор. Волны безотчетного ужаса гнали всех подальше от невидимого источника,

словно в его эпицентре действительно бушевало жаркое пламя. Дети гуртом забивались в углы, долбили в стены и надсадно кричали. Паника усиливала страх и лишала остатков разума. Никто никому не помогал, маленькие и слабые оказывались под ногами высоких и сильных.

Марк Ривун устал. Он шипел уже не так мощно, как поначалу. Пружина страха, исходившая от него, ослабла. Школьники нашли двери и окна. Раздетые и покалеченные дети выбрались в прохладу июньской ночи и отхлынули от пугающего здания, как капли дождя с макушки зонтика.

Марк протер одеялом вспотевшее лицо и с минуту лежал молча. Этого было достаточно, чтобы определить состояние дел во всем корпусе. Оттопыренные уши зафиксировали стоны раненых и изменения в помещениях, вызванные массовым бегством. По распространению хрипов раздавленных малышей он легко определил, как сдвинулась мебель, какие двери распахнуты и где выбиты стекла.

Мальчик сел на кровать и огляделся. Глаза подтвердили сформировавшуюся в сознании картину. Двдцатичетырехместная палата была пуста. Кругом царил хаос. Разбросаны подушки и одеяла, сдвинуты кровати, перевернуты тумбочки, разбиты окна. Он знал, что подобное зрелище сейчас и в других комнатах. Достигнутый эффект ему понравился, но ни одна эмоция не отразилась на осунувшемся лице подростка.

Марк спокойно оделся, прихватил узелок с заранее подготовленными вещами, прислушался. Ничего не изменилось. Все, кто мог, покинули территорию интерната. В корпусе, кроме него, оставалось пять человек. Две раненые девочки и один мальчик на лестнице лежали и не могли подняться. Еще один паренек с крихтением полз в коридоре первого этажа, постепенно перемещаясь к выходу. А пятой была директриса Зоя Ефимовна.

Видимо, она проснулась позже всех. Марк слышал, как сжались освобожденные пружины ее кровати, тапки с твердой подошвой грузно прошлепали к окну, как разъехались по деревянной палке металлические кольца штор. Идиллия, да и только. Но он прекрасно помнил и другие звуки из квартиры директрисы, которые ему не давали покоя в последний месяц. Чмокающие полизывания самой красивой девочки класса Маруси Сиротиной и вздохи вожделения Зои Ефимовны. Очередная симпатичная девчонка отрабатывала подачки в виде сладостей у властной похотливой директрисы.

Так продолжалось все годы, что Ривун провел в интернате. Но предыдущие униженные девчонки Марку были безразличны. Иное дело – красивая сверстница Маруся Сиротина. Вот уже два месяца по субботам жирная директриса уводила ее к себе. Марк затыкал уши и накрывался подушкой, но его организм все равно продолжал слышать развратные движения языка подневольной девочки.

Под тонкой кожей на висках Марка вздулись змейки вен. Он изменит свой план – сразу покинуть интернат. Сначала он направится в пристройку, где располагается квартира директрисы, и нанесет ей «дружеский» визит. У него еще остались силы, чтобы «поговорить» с ней на языке болезненного душераздирающего шума.

При выходе из палаты прямо у двери Марк с удивлением наткнулся на распластанного Вовку. Удивила не беспомощная поза единственного приятеля, а то, что, находясь буквально за стенкой, да еще и при открытой двери, Марк не расслышал его! Он не зафиксировал ни шороха, ни дыхания. Такого не может быть! Неужели его дар, слышать всё, изменил ему?

Ривун склонился над неподвижным телом, понял, что Вовка не дышит, и сразу успокоился. Проверять пульс ему не требовалось. На таком расстоянии Марк расслышал бы малейшее биение сердца. Всё в порядке, его талант никуда не исчез. Просто мертвые не издают звуков. Это он уже знал.

Перед дверью в квартиру директрисы Марк остановился и произвел совершенно лишний, на его взгляд, ритуал – постучал. В детстве он долго не мог понять, зачем люди предупреждают стуком или звонком, если прекрасно слышны шаги подошедшего к двери. Только позже открылась удивительная тайна: оказывается, возможности его слуха намного превосходят возможности любого другого человека.

По прогибающимся половым доскам прошлепали тапки, дважды щелкнул ключ, и перед Марком предстала испуганная Зоя Ефимовна в короткой ночной рубашке. Женщина обхватила подростка, прижала к мягкому животу и растерянно запричитала: «Пожар, пожар, пожар». Марк представил, что вот так же в рыхлое тело вжималось бледное лицо Маруси Сиротиной с огромными голубыми глазами. А потом жирная ладонь настойчиво опускала ее ниже, к краю рубашки. Только испуганной девочке директриса говорила другие слова, с обещанием конфет и леденцов.

Марк оттолкнул ненавистную директрису. Узко посаженные мутно-серые глаза подростка затуманились, уголки бровей у переносицы поползли вверх, тонкие губы зашипели:

- Ссука, жжжирная ссука...

Женщина разом отпрянула, словно ее оттолкнула мощная волна. Голос подростка становился всё ниже, тяжелее, неразборчивее, только на шее, обезображенной шрамом, размеренно двигался острый кадык, а на лице едва уловимо шевелились губы. Вскоре директриса уже не слышала неприятного слова, но невидимые волны, исходившие от щуплого мальчишки, сделались интенсивней и мучительней. Неясный страх, разбудивший женщину, вновь раскручивал обороты. Ужас становился насыщенным и осязаемым. Он захлестывал, давил и рвал на части.

Она отступила в глубь комнаты, шлепнулась на кровать, подогнула ноги, пытаясь защититься. С дрожащих губ срывался монотонный стон беспомощной женщины. Однако вид похабно развалившейся на перине плоти привел Ривуна в бешенство. Он наседавал на директрису и изрыгал ругательство за ругательством. Мальчик хорошо слышал издаваемые им самим звуки, но давно убедился, что больше никто их не слышит. В специально прочитанной книжке это называлось инфразвуком. Но для Марка Ривуна такой границы не существовало. Он не только слышал в инфразвуковом диапазоне, но и мог порождать подобные звуки.

Сейчас Марк очень старался. Он видел, какие мучения производит его голос, и хотел их максимально усилить. Зоя Ефимовна беспомощно отгораживалась от неведомой силы руками и ногами, закрыла глаза и отвернула лицо, но Марк к ней и не думал прикасаться. От невидимых волн, проникавших в сердце и мозг, невозможно было укрыться. Панический ужас сопровождался разрастающейся болью в голове и груди. Женщина обреченно закричала. Естественные колебания внутренних органов и мозга вошли в резонанс с внешним воздействием. Первым не выдержало сердце. Оно остановилось.

Жуткий крик подростка оборвался на самой мощной ноте. Обессиленный Марк рухнул на пол. Острые лопатки вздымали тонкую ткань вылинявшей рубашки. У него не было сил подняться и пошевелиться, но он знал главное. Единственный живой человек в этой комнате – это он, всеми избегаемый и нескладный уродец с кривой шеей.

Через полчаса мальчик поднялся. Не глядя на труп в кровати, он забрал из-под белья в комод припрятанные деньги и навсегда покинул интернат, в котором провел почти всю свою жизнь.

На рассвете 23 июня 1942 года Марк Ривун вышел из Острогожска в восточном направлении. С запада накатывал гром приближающейся войны, которая уже год двигалась по просторам Советского Союза. Пока ее слышал здесь только Марк.

Через час худого тщедушного паренька подобрала сердобольная баба на телеге с двумя малышами. Она бы наверняка равнодушно проехала мимо, жалая голодную лошадь, но Марк сам попросил ее. К собственному удивлению, женщина не смогла отказать мальчишке с каменным лицом и изуродованной шеей. Для Марка в этом не было ничего необычного. Его способности не ограничивались нагнетанием страха. Когда требовалось, он мог произнести просьбу таким голосом, что каждый охотно стремился ему помочь.

В школе-интернате всеобщий страх рассеялся только с восходом солнца. Воспитатели собрали и пересчитали разбежавшихся детей. Итоги таинственной паники оказались печальными. Трое воспитанников погибли в давке, еще несколько получили серьезные травмы, один пропал. В своей постели умерла многолетний директор интерната, заслуженный учитель, коммунист с дореволюционным стажем Зоя Ефимовна Шехтель. Приехавший врач констатировал разрыв сердца.

К полудню подкатил помощник военного коменданта города лейтенант Сибиряков. Его подвезли артиллеристы, вывозившие за реку боеприпасы. Пока лейтенант разбирался в странном происшествии, шофер полуторки бегал за водой для перегревшегося двигателя. Никто не мог внятно объяснить, отчего возникла ночная паника. Несмотря на твердое убеждение Любочки, что в школе был сильный пожар, Сибиряков никаких следов огня, запаха дыма или хотя бы сгоревшей тряпки в здании не обнаружил.

Тратить время на поиски причины глупых детских страхов лейтенант не собирался. С приближением фронта были дела и поважнее. Стоя у раскрытой дверцы автомобиля, он смотрел на вздымающуюся грудь Любочки под ситцевым платьем и колебался, дать разрешение на немедленные похороны погибших детей или перевезти их в морг при больнице. Но окончательно определиться он не успел.

В отличие от лейтенанта Сибирякова Марк Ривун задолго расслышал гул немецких бомбардировщиков. Эскадрилья из шести самолетов пролетала над северной окраиной Острогожска. Маленький городок с разбомбленной железнодорожной станцией их уже не интересовал. Но один из «Юнкерсов» неожиданно отклонился от общего курса и спикировал к зданию школы-интерната. Внимание пилота привлекло скопление людей у дома казарменного типа и стоявшая рядом машина с военными. Первая бомба угодила в пристройку школы, обрушив угол здания, а вторая шлепнулась прямехонько под колеса грузовика. Снаряды в кузове тут же сдетонировали. Геройство лейтенанта, незадолго до второго взрыва накрывшего собой Любочку, оценить девушке было не суждено. Взрывная волна превратила их молодые тела в кровавую грязь.

Грохот взрыва двух тонн артиллерийских снарядов слышал уже не только Марк Ривун. Баба, управлявшая телегой, вздрогнула, перекрестилась и поддала несколько раз поводьями по грязному крупу старой кобылы. Некоторое время после этого телега катилась быстрее.

Глава 2

Марк Ривун, в отличие от других обитателей детского дома, а затем и школы-интерната, никогда не мечтал о маме с папой и не задумывался о своем происхождении. Единственной сферой его интересов были звуки. Эта всепоглощающая страсть овладела его сознанием, кажется, еще в утробе матери.

Персонал роддома №1 трудно было удивить громкими именами пациенток. Роддом являлся первым в Москве не только по номеру, но и по статусу. Жены многих известных персон прошли через заботливые руки местных врачей и акушеров. Но даже на их фоне киноактриса и певица Рая Коршунова была настоящей знаменитостью. Она прославилась благодаря патриотическому фильму «Колхозница», в котором сыграла главную роль. Фильм вышел весной 1930 года, а к сентябрю, когда Рая попала в роддом, половина городских барышень носили прическу, как у героини фильма. Даже деревенский платок, который актриса неизменно стланивала на шею, вновь вошел в моду в обеих столицах.

Успех обаятельной артистке принес не только немой фильм, но и популярная песенка, звучавшая в то лето по радио чуть ли не чаще,